

«ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ»

ТЕАТР

Шиллер в подлиннике

Дружный единомушный прием, оказанный тбилисцами Дюссельдорфскому драматическому театру, легко объясним. Руставелевцы достойно встретили своих коллег из столицы земли Северный Рейн — Вестфалия, и это вполне понятно. Тут особая честь оказывалась Фридриху Шиллеру, впервые в подлиннике представленному на сцене грузинского театра, где почти полвека тому назад был создан один из шедевров мировой сценической шиллериады — «In tiranos».

И как еще одно слово в перекличке народов, дающих клятву «никогда не смотреть друг в друга сквозь прорези прицелов», воспринимается голос Фердинанда — Петера Зимонишека зрителем, давно оценившим жар шиллеровского сердца.

Гастроли театра из ФРГ в Москве и Тбилиси после майских дней на Рейне приобретают особое значение, и потому столь существенной представляется «заимная сплетенность идейных и эстетических устремлений» спектакля дюссельдорфовцев. Здесь немало любопытного, выраженного в главном, и особо четко — в характере финальной сцены, причем это именно финал, а не последняя по счету сцена, как это нередко бывает. Да, это именно финал, в котором сфокусировано творческое решение всего спектакля.

У Шиллера, как вы помните, Фердинанд опустившемуся перед ним на колени отцу протягивает холодящую руку. Режиссер спектакля «Коварство и любовь» на сцене прощает президенту гибели юных безвинных душ. Предсмертный бросок Фердинанда на сильных мира сего в образном воплощении Зимонишека вырастает в символ действенного выражения мыслей нового поколения, знающего свою ответственность перед будущим.

Не случайно и то, что произнесением имени Луизы Миллер заканчивается спектакль. Ведь именно этим, не титулованным, именем простой немецкой девушки и назвал свою трагедию Шиллер, но затем, по совету известного актера Иффланда, предпочел более эффектное заглавие — «Коварство и любовь».

Однако тончайший слух великого Верди уловил преимущество первоначальной авторской интуиции, и вновь вернул Луизе Миллер место главной героини — в своей опере.

Такова и героиня спектакля дюссельдорфовцев. Крайне просто одетая, предельно скромная в своем внешнем облике, Луиза — Шарлотта Шваб богата щедростью незапятнанной души, чистота которой является подлинной

основой стойкости и силы характера. И подобное постижение пьесы делает честь молодому режиссеру Роланду Шеферу и молодой актрисе.

Интересным, смелым, неожиданным решением образов выделяются Эдгар Вальтер (президент), Вероника Байер (леди Мильфорд).

Чета Миллеров, в отличном исполнении Алоиза Штремпель и Дженни Латтерман, углубляет социальные контрасты трагедии. Запоминаются внутренняя строгость в образе камердинера Генрих Ортмайр сумел передать принципиальное значение сцены, как бы раскрывающей

широкие масштабы бесчинств и грабежей, творимых титулованными охотниками за чистоганом.

Отказ от застывших масок пройдох Вурма и Гофмаршала, ветреника и пустозвона вполне закономерен, однако, думается, актерам Райнхарту Фирхову и Францу Коллашу следовало больше заострить воплощаемые характеры. Хочется сказать также, что не исключена возможность подобного поиска и в небольшой роли Софи у привлекательной Христины Шерер.

Нельзя не отметить, что весь спектакль насыщен броскими, меткими актерскими и режиссерскими находками, приспособлениями, выразительными деталями.

Но главным для нас, что придает спектаклю особую ценность, является прекрасно переданная актерами высокая целомудренность молодых героев, дающая им подлинное право воплощать величие шиллеровского духа.

М. ГИЖИМКРЕЛИ,
режиссер.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Коварство и любовь».

Фердинанд — Петер Зимонишек.
Луиза — Шарлотта Шваб.

Фото А. Вачьяна.

